

гу до сих пор не было, и ориньякское искусство оказывается, таким образом, как бы лишенным глубоких исторических корней. Так как поиски изобразительного искусства у неандертальцев до сих пор не увенчались успехом, автор обращается к анализу другой их деятельности, отличной от художественной, но создавшей, по его мнению, предпосылки для ее возникновения. Он имеет в виду древние обычаи, связанные с сохранением медвежьих костей, огромные скопления которых обнаружены в так называемых медвежьих пещерах, в частности в известной пещере Драхенлох. Здесь были найдены медвежьи черепа и длинные кости конечностей этих животных, уложенные в строгом порядке. Такой отбор костных останков, по мнению автора, не мог быть случайным. Неандертальцы, несомненно, преследовали какие-то цели, что свидетельствует о какой-то их «материально-духовной деятельности» (стр. 140). Отбирая и располагая кости животных особым образом, неандертальцы тем самым как бы изображали зверей. Эту деятельность А. Д. Столяр называет «натуральным изобразительным трудом» или «натуральным творчеством», близким к изобразительному искусству. Композиции, составленные из черепов, костей, камней, будучи объемными, как бы подготавливали почву для скульптуры.

Интересная статья А. Д. Столяра — плод глубокого раздумья и кропотливого анализа обширного археологического материала, историками искусства еще не использованного. Что касается термина «натуральное творчество», то его нельзя признать вполне удачным, так как трудно представить, что именно под ним подразумевается.

Положительно оценивая гипотезу А. Д. Столяра, мы считаем все же, что намеченный им путь происхождения искусства не единственный, а лишь один из возможных. Другим путем, по нашему мнению, могла быть деятельность неандертальца, также связанная с охотой. На охоте, избегая излишнего шума, люди вынуждены были искать беззвучные способы общения и могли «разговаривать» о звере с помощью различных движений тела, рук или пальцев, т. е. воспроизводить образ зверя и связанные с охотой моменты с помощью жестов и мимики. Подобные, вероятно, условные «рисунки в воздухе» были вполне достаточны для целей общения охотников. В то же время, способствуя развитию образного, художественного мышления, они подготавливали и ту почву, на которой в последующий исторический период возникли гравированные изображения и живопись. Этот путь происхождения плоскостных изображений столь же допустим, как и предложенный А. Д. Столяром генезис скульптуры, и также объясняет «внезапное» появление в ориньяке памятников изобразительного искусства.

Статьи М. Д. Хлобыстиной «Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства» и Ю. Н. Голендухина «Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша» ставят своей целью раскрытие семантики искусства древнего человека.

Автор первой статьи видит в скульптуре и плоскостной резьбе окуневцев влияние древневосточных цивилизаций и вместе с тем тенденцию к превращению тех или иных образов в условные знаки. Привлекая к расшифровке их значения исторические и этнографические факты, М. Д. Хлобыстина пытается по отдельным знакам и другим изображениям восстановить мифы окуневцев. Но привлечение обильного материала по древним народам Востока и их мифологии не способствует, на наш взгляд, пониманию произведений изобразительного искусства носителей окуневской культуры и не помогает воссозданию их мифов. Это искусство по-прежнему остается загадкой.

В статье Ю. Н. Голендухина излагаются новые исследования наскальных изображений. В ней описываются сюжеты и композиции этого искусства, предлагается истолкование отдельных фигур и сцен.

Рецензируемый сборник очень интересен по содержанию и во многом обогащает наши знания по первобытному искусству.

В нем по-новому ставятся и решаются сложные вопросы семантики первобытного искусства и намечаются пути дальнейшего исследования трудной проблемы происхождения искусства и его истоков.

Следует признать удачным выбор статей для перевода, но следовало бы указать их названия на французском языке и привести соответствующие выходные данные.

Разумеется, для всестороннего освещения затронутых вопросов одного сборника недостаточно, и можно надеяться, что Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР издаст и другие сборники на ту же тему. Это тем более желательно, что интерес к первобытному искусству заметно возрастает не только у специалистов, но и у широкого читателя.

С. В. Иванов

Ewa Nowicka. Bunt i ucieczka. Zderzenie kultur i ruchy społeczne. Warszawa, 1972, 287 s.

Книга польского ученого Евы Новицкой «Бунт и бегство. Столкновение культур и социальные движения» представляет большой интерес для тех, кто изучает милленистские, мессианские, нэйтивистские движения и карго-культы. Автор ограничил

область своего исследования двумя регионами: Северной Америкой и Меланезией. В каждом из регионов выделены движения, характерные для более ранней стадии контакта с европейскими культурами (пляска духов в Северной Америке и культы карго в Меланезии) и для более поздней (соответственно пейотизм и движение Палиау).

Е. Новицкая ставит перед собой скромную цель: заполнить пробел, существующий в польской научной литературе, посвященной антиколониальным движениям (стр. 7). Именно поэтому она оставила в стороне Африку, которой в польской литературе действительно уделяется большое внимание. Но рецензируемая книга представляет интерес не только для польских ученых. Ее тема и выводы, к которым приходит автор, привлекают к себе внимание исследователей многих стран.

В книге отмечается, что рассматриваемые в ней движения появились в период европейской колонизации, причем даже не в годы первых контактов, а позднее. Позиция автора здесь совершенно четкая и решительно направлена против тех, кто безуспешно пытается отыскать подобные движения в доколониальное время и тем снять с колонизаторов ответственность за их появление.

В главах I и VI Е. Новицкая излагает свои теоретические позиции, рассматривает историю изучения движений и дает их типологию.

Колониальный гнет, пишет автор, вызывает три типа поведения личностей и групп: 1) бунт, борьбу против колонизаторов, 2) бегство от колониальной действительности, апелляцию к религии, к ритуалу и 3) смирение перед колониальной действительностью, покорность. Автор рассматривает только два первых типа поведения, отсюда и название книги. Бунт, пишет она, — это непосредственное воздействие на внешний мир, агрессивная и открытая борьба с мнимыми или действительными врагами» (стр. 252). Бегство, наоборот, — это «уход от активной деятельности... и поиски поддержки и помощи у сверхъестественных сил и существ посредством ритуальных действий» (там же). Третий тип поведения — смирение и покорность, по ее мнению, означает отказ от всякой деятельности; он не вызывает социальных движений и поэтому в книге не рассматривается.

Таковы психологические критерии, которые положены автором книги в основу классификации различных антиколониальных движений. Не ограничиваясь этим, она вводит три «идеологических» критерия: полное неприятие, частичное неприятие и полное приятие колониальной действительности. Полное неприятие вызывает стремление к коренным преобразованиям, частичное — к частным изменениям. Автор рассматривает в книге только эти два типа «идеологий».

Комбинируя психологические критерии (1 — бунт, 2 — бегство) с идеологическими (а — полное неприятие, б — частичное неприятие колониальной действительности), автор выделяет четыре основных типа движений: бунтарские движения преобразования действительности (1а), эскапистские движения преобразования действительности (2а), бунтарские движения социальной реформации (1б) и эскапистские движения социальной реформации (2б).

В качестве примера первого типа движений в книге приводится вооруженное восстание под руководством Понтиака, вождя алгонкинского племени оттава в XVIII в.; восстание алгонкинских племен под руководством Текумсе в начале XIX в.; восстание североамериканских индейцев под руководством «пророка» Исатаи в 1873 г.; восстание народности кикуйно в Кении, известное под названием Мау-Мау, в 1952 г.; восстание маорийских племен в Новой Зеландии, известное под названием Хау-Хау, в 1864—1870 гг., а также некоторые культы карго (стр. 255). В качестве примеров второго типа приведены религиозное движение североамериканских индейцев в конце XIX в., известное под названием «Пляски духов», а также некоторые культы карго. Третий тип представлен движением Палиау на островах Адмиралтейства в 1946—1954 гг. и движением Масинга на Соломоновых островах в 1945—1958 гг. И наконец, четвертый тип представлен возникшим в конце XIX в. мессианским движением североамериканских индейцев, известным под названием «пейотизм», одним из обрядовых элементов которого был прием наркотических средств, навевавших индейцам грезы о прошлой счастливой жизни и отвлекавших их от горькой действительности.

Нам эта классификация представляется полезной, но все же нуждающейся в уточнениях. Как правило, каждое конкретное движение содержит в себе много различных моментов, и не всегда легко провести в нем грань между бунтом и бегством, преобразованием мира и социальной реформацией. Здесь чувствуется некоторый схематизм, и это несколько упрощает действительную картину, очень сложную и противоречивую.

Автор подробно и обстоятельно рассматривает традиционные культуры североамериканских индейцев и меланезийцев, а также характер их контактов с европейцами, справедливо полагая, что от этих двух факторов зависит как само появление движений, так и их направленность. Главы 2—5 посвящены описанию конкретных движений (гл. 2 — пляске духов у североамериканских индейцев, гл. 3 — пейотизму у них же, гл. 4 — культам карго в Меланезии, гл. 5 — движению Палиау на островах Адмиралтейства). В каждой из них подробно характеризуются идеология движения, его направленность и цели, а также достигнутые им результаты. Эти главы содержат большой и интересный фактический материал. Вот один частный пример. В переводах Библии на язык пиджин-инглиш, сделанных в Меланезии миссионерами, мы читаем: «Бог дал Ною карго» (в оригинале «Бог благословил Ноя»). Одного этого факта (стр. 171)

достаточно, чтобы показать, как глубоко укоренились идеи культа карго на некоторых меланезийских островах.

Книга снабжена иллюстрациями, взятыми из литературных источников, резюме на английском языке и обширной библиографией, в которой, к сожалению, допущено около двух десятков опечаток.

В целом перед нами серьезное научное исследование, важный вклад в изучение антиколониальных движений. Остается только пожелать, чтобы автор продолжил свою работу в этом направлении, дав обстоятельную характеристику и тех движений, которые в рецензируемой книге уже названы, но еще не рассмотрены во всех деталях.

М. С. Бугинова

НАРОДЫ СССР

Б. А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд., исправленное и дополненное, М., 1971, 356 стр.

Рецензируемая книга представляет собою первое подробное описание этнографических особенностей осетинского народа. Автор на протяжении 20 лет скрупулезно собирал этнографический материал на территории Осетии, фиксируя информацию, получаемую от лиц старшего поколения — знатоков старого быта, и непосредственно наблюдая традиционные и новые формы культуры. Для реконструкции недавнего исторического прошлого осетин, особенно их общественного строя, изучения контактов осетинского и русского народов, влияния мусульманства на культуру осетин автор использовал также документы в многочисленных архивах.

Все стороны культуры осетин, как традиционного ее комплекса, так и принципиальных изменений, новообразований в процессе социалистического строительства описаны обстоятельно и выпукло. Автор постоянно комбинирует разные данные, добываясь полноты описания этнографических явлений и создавая ретроспективу их исторической динамики. Иногда этнографические наблюдения дополняются археологическим материалом, иногда — сведениями, полученными из исторических источников. Метод комплексной историко-этнографической реконструкции демонстрирует при этом все свои сильные стороны — историзм восстанавливаемой картины, а главное, ее достоверность, чего невозможно достигнуть, опираясь только на частные данные. Б. А. Калоев, с моей точки зрения, чрезвычайно удачно прослеживает развитие тех или иных сторон культуры и быта осетин, их социальных институтов до современности, показывая, как одни из них преобразовывались в ходе истории, а другие ушли из быта в процессе социалистического строительства.

Весьма ценную и глубоко разработанную информацию содержат главы, посвященные духовной культуре, особенно глава о дохристианских верованиях осетинского народа. Б. А. Калоев практически не имел предшественников в этой области кроме В. И. Абаева, давшего содержательный, хотя и краткий очерк дохристианских верований осетин. В рецензируемой книге обстоятельно рассмотрен пантеон всех осетинских дзуаров; автор нашел каждому из них место в историко-этнографической картине первобытных верований, выявив истоки их происхождения и связи культа каждого дзуара с аналогичными культами в верованиях других народов.

Как известно, всех исследователей этногенеза осетин можно весьма приблизительно разделить на две группы в зависимости от признания решающей роли аланского (пришлого) или кавказского (местного) компонентов в происхождении осетинского народа. Историки и большинство языковедов отдают предпочтение аланскому компоненту, антропологи и большинство археологов — кавказскому компоненту. Это противоречие находит объяснение в характере используемых данных — иранская принадлежность осетинского языка бесспорна, как бесспорна и демонстрируемая историческими источниками принадлежность алан к иранскому этническому миру. С другой стороны, — не менее бесспорны местные истоки многих особенностей осетинской народной культуры, уходящие, как убедительно показал Е. И. Крупнов, в эпоху бронзы, и исключительное сходство осетин по антропологическим признакам с центральнокавказскими народами.

Б. А. Калоев рассматривает проблему этногенеза осетин по-своему. Он не подсчитывает, каких элементов больше в культуре осетин — иранских или кавказских, а на этнографическом материале показывает сложный характер осетинской народной культуры и этим аргументирует свой вывод о сложной двухкомпонентной природе осетинского народа. Это не противоречит тезису о физическом происхождении подавляющей массы осетин от местных племен, что подтверждается всей совокупностью находящихся в нашем распоряжении материалов. Но, бесспорно, и Б. А. Калоев убедительно показал это в своей книге, что культура осетин сложилась при значительном, если не преобладающем участии иранских элементов.